

Умеренкова Ольга Вячеславовна

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ КУЗНЕЦКО-САЛАИРСКОЙ ГОРНОЙ ОБЛАСТИ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА УКРАШЕНИЙ)

В статье представлены результаты типолого-морфологического анализа металлических украшений эпохи поздней бронзы, определяющего специфику формирования и существования культурно-исторических процессов на территории Кузнецкой котловины. Выделение андроида и карасукских черт украшений в составе погребального инвентаря подтверждает локальную особенность развития древних обществ на этой территории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. I. С. 197-202. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

3. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. М.: Прогресс, 1978. 334 с.
4. Мамчур Е. А. Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности [Электронный ресурс]. URL: www.philosophy.ru/iphras/mamchur.htm (дата обращения: 25.11.2010).
5. Мотрошилова Н. В. Идеи Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., 2003. 720 с.
6. Неретина С. С. Автор и дискурс [Электронный ресурс]. URL: www.philosophy.ru/iphras/library/wealtrue/neret1.htm (дата обращения: 25.11.2010).
7. Столярова О. Е. Инструментальный реализм Д. Айди [Электронный ресурс]. URL: www.philosophy.ru/iphras/library/i_ph_5.html#stolyrova (дата обращения: 10.12.2010).
8. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
9. Фуко М. Дискурсия и человеческое бытие [Электронный ресурс] // Фуко М. Слова и вещи. URL: www.philosophy.ru/library/foucault/01/10.html (дата обращения: 12.11.2010).
10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
11. Heelan P. A. Towards a Hermeneutics of Natural Science // The Journal of the British Society for Phenomenology. 1972. Vol. 3. P. 252-285.
12. Ihde D. Postphenomenology: Essays in the Postmodern Context. Northwestern University Press, 1993.
13. Stadler M. A., Kruse P. Gestalt Theory and Synergetics: from Psychophysical Isomorphism to Holistic Emergentism // Philosophical Psychology. 1994. № 7 (2). P. 211-226.
14. Townshend J. Discourse Theory and Political Analysis: a New Paradigm from the Essex School? // The British Journal of Politics and International Relations. 2003. Vol. 5 (1). P. 129-142.

PHENOMENOLOGY AND ISOMORPHIC STRATEGIES OF NON-CLASSICAL SOCIAL-CULTURAL DESCRIPTION

Elena Andreevna Timoshchuk, Ph. D. in Philosophy

Department of Public Relations

Nizhni Novgorod State Linguistic University (Branch) in Vladimir
e@timos.elcom.ru

The author compares phenomenology with the isomorphic strategies of social-cultural description (discursive analysis, synergetics, instrumental realism) for working out the strategic consensus of social sciences in the sphere of the standards of objective classical description.

Key words and phrases: culture phenomenology; discursive analysis; culture synergetics; instrumental realism; methodological isomorphism; social constructivism.

УДК 902.01; 903.25

В статье представлены результаты типолого-морфологического анализа металлических украшений эпохи поздней бронзы, определяющего специфику формирования и существования культурно-исторических процессов на территории Кузнецкой котловины. Выделение андронидных и карасукских черт украшений в составе погребального инвентаря подтверждает локальную особенность развития древних обществ на этой территории.

Ключевые слова и фразы: эпоха поздней бронзы; Западная Сибирь; Кузнецкая котловина; локальные варианты; культурно-исторические процессы; погребальный обряд; украшения; морфологический анализ.

Ольга Вячеславовна Умеренкова

Кузбасская лаборатория археологии СО РАН

Кемеровский государственный университет

klae@kemsu.ru

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ КУЗНЕЦКО-САЛАИРСКОЙ ГОРНОЙ ОБЛАСТИ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА УКРАШЕНИЙ)©

Изучение культурно-исторических взаимодействий, происходивших в древности на территории Кузнецкой котловины, представляет собой сложный и в то же время уникальный процесс. Важным обстоятельством в развитии этих явлений выступают географическое положение и ландшафтное своеобразие региона, расположенного на северной периферии Саяно-Алтая в междуречье Оби и ее правого притока р. Томи. Территория, окруженная горами Салаирского кряжа, Горной Шории и Кузнецкого Алатау, являлась в определенном смысле автономной. В связи с тем, что в горной экосистеме Южной Сибири представлены практически все условия для развития и существования различных форм присваивающей и производящей экономики, эта территория в эпоху поздней бронзы являлась зоной активного взаимодействия разных историко-

культурных миров. Другим важным условием формирования процессов жизнедеятельности в древности на территории юга Западной Сибири являлась обеспеченность рудно-сырьевыми источниками, благодаря которым был сформирован самостоятельный центр металлургического производства, а этот факт, в свою очередь, оказал достаточное воздействие на развитие обществ не только в регионе, но и в соседних территориях.

Данная работа посвящена анализу украшений, найденных в могильниках эпохи поздней бронзы Кузнецкой котловины, относящихся к культурным образованиям сопредельных территорий.

Большой интерес в этом контексте представляют материалы памятников, которые по всем признакам можно отнести к кругу так называемых «культур андроновидного типа». Население Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи в конце II тысячелетия до н.э. соседствовало на севере с представителями еловской культуры, а на юге, преимущественно в предгорьях Салаирского кряжа, - корчажкинской. По мнению специалистов, к сосуществованию населения разных культур привело проникновение таежного населения в ареал представителей андроновского мира [20, с. 137-158; 26]. Доказательствами данного факта могут служить материалы исследованных в последние десятилетия памятников эпохи бронзы на территории Кузнецкой котловины, в инвентаре которых были обнаружены изделия, идентичные найденным в погребальных комплексах еловского населения Томского Приобья. Интересно, что подобные памятники содержали погребения, относящиеся к разным археологическим периодам. На данный момент известны два полностью исследованных памятника, содержащих подобные материалы - Танай-1 (автор раскопа В. В. Бобров) и Танай-12 (В. В. Бобров, В. С. Горяев). Могильник Танай-1 представлен курганами ирменской культуры (№ 1 и 4), андроновской (№ 7 и 10) и еловской (№ 2, 3, 5, 6, 8, 9). Танай-12 является единственным некрополем в Кузнецкой котловине, в состав которого входили погребения четырех культур эпохи бронзы. Могильник содержал материалы андроновской культуры (10 курганов и 19 погребений), постандроновского времени (4 кургана и 65 погребений) и погребений, относящихся к ранней бронзе, совершенных на площадках (7 шт.), окруженных рвами (18 погребений). Здесь же обнаружено захоронение в каменном ящике с кольцевой оградой. Это первое погребение развитой бронзы на территории Кузнецкой котловины, которое вписывается в круг культур сейминско-турбинского времени. Исследования могильников показали присутствие в погребальном инвентаре бронзовых украшений, характерных для таежных племен Томского Приобья: кольца и браслеты со специфически загнутыми в виде спирали концами, серьги, подвески и детали головного убора (прически).

Кольца со спиралевидными окончаниями (см. Рис. 1 - F) - изделия, выполненные из проволоки, со щитком в виде закрученных в разные стороны плоских спиралей-валют, зафиксированы среди погребального инвентаря постандроновского времени могильника Танай-12 [7, с. 226-230]. Аналогичные кольца известны по материалам Еловского II могильника [26] (см. Рис. 1 - 24-26).

Браслеты со спиралевидными окончаниями - изготовлены из тонкой бронзовой проволоки в 1-1,5-2-2,5-3 оборота, концы закручены в спирали. Спиралевидные навершия - со щитком в виде закрученных в разные стороны плоских спиралей-валют. Известны по материалам могильника Танай-12 (см. Рис. 1 - 24), обломок спиралевидного окончания браслета (кольца?) зафиксирован на могильнике Пьяново-I, на Еловском II комплексе [1, с. 386; 13; 14; 25].

Примечательно, что материалы могильников датируются постандроновским временем, аналогичные же изделия известны по инвентарю эпохи развитой бронзы: мог. Алексеевский - 2 экз.; Фирсово XIV - 2 экз.; Сопка-2 - 2 экз.; Боровянка - 2 экз.; ЕК II - 1 экз. Специалисты считают, что эти украшения эволюционизировали в андроновской среде от бесщитковых браслетов к изделиям с уплощенными коническими спиральями [25, с. 247]. Этот факт может говорить в пользу сосуществования типологически различных форм на отдельных археологических этапах. Возможно, логическим завершением этого процесса стало появление в эпоху поздней бронзы браслетов с литыми «жемчужинами» на концах, особенно характерных для ирменской культуры [10, с. 89-90; 15, рис. 14 - 3; 22, табл. 22 - 7, 24 - 6; 25, с. 247; 35, с. 47]. Такие браслеты встречаются практически на всей территории Западной Сибири: мог. Сапогово-2 - 10 экз., Титово - 2 экз., Танай-7 - 1 экз., Шабаново - 2 экз., Журавлево-4 - 7 экз., Преображенка-3 - 1 экз., Милованово-1 - 3 экз., Камышенка - 4 экз. В некоторых случаях «жемчужины» располагались только на одном конце браслета: мог. Сапогово-2 - 2 экз., Танай-12 - 1 экз. Неярко выраженные «жемчужины» в виде округлых утолщений на зауженных концах были зафиксированы на могильнике Титово - 1 экз.

Колокольчикообразные подвески (см. Рис. 1 - D): бронзовые изделия, выполненные из стержня, изогнутого в форме ушной раковины или вытянутого овала с конусовидным окончанием. Конус мог быть изготовлен из пластины путем сворачивания, полый внутри. На территории Кузнецкой котловины найдены на мог. Танай-12 (4 экз.) [7; 9; 13] (см. Рис. 1 - 13-16). Аналогичные изделия найдены на Еловском I могильнике [1, с. 390, рис. 111 - 11, 12], Еловском II могильнике [1, с. 386, рис. 107 - 12, 13; 25, рис. 71 - 1, 2, с. 64, рис. 27 - 9-12] (см. Рис. 1 - 17, 18), Томском могильнике [21, с. 18, рис. 8 - 6]. Местонахождение подвесок - височная кость, с небольшим смещением к затылочной части. Способ ношения представляется аналогичным гвоздевидным подвескам ирменского времени.

Височные бронзовые кольца - в эпоху развитой бронзы эти изделия были распространены на территории Западной Сибири довольно широко, но в период поздней бронзы встречаются только на памятниках еловской культуры. Кольца найдены у висков или нижней челюсти погребенного, и на этом основании называются «височными», приравниваясь к головным украшениям. На территории Кузнецкой котловины эти украшения известны по материалам памятника Танай-12, Танай-1, Пьяново, Иваново-Родионово [5, с. 7, рис. 10 - 4; 9, с. 261].

Концы кольца обычно заострены и несколько заходят один за другой. Парные кольца всегда одинакового диаметра, но размеры у колец варьируются от 3 до 7 см. Аналогичные изделия были зафиксированы на комплексе Еловский II могильник [1, с. 390; 26; 27, с. 57, рис. 21 - 13, 14, рис. 71 - 5, рис. 96 - 6, 7], Томский могильник [21, рис. 21, 22, 25].

Серьги с коническим спиральным окончанием (см. Рис. 1 - С): морфологически приближены к гвоздевидным изделиям ирменской культуры, но меньше по размерам и имеют вертикально расположенное спиральное коническое окончание. Встречаются крайне редко, на памятнике Журавлево-IV найден 1 экз. [10, с. 38, рис. 27 - 23] (см. Рис. 1 - 10). Аналогии в ирменских памятниках не известны, могут быть сопоставимы только с аналогичными украшениями из погребений комплекса ЕК-I [26, приложения, рис. 55 - 5, 7, 56 - 3, 4, 58 - 9-11] (см. Рис. 1 - 11, 12).

Серьги со спиралевидным окончанием (см. Рис. 1 - G): морфологически близки к типу предыдущих серег, но вертикально расположенное спиральное окончание округлой формы. Известны 7 экз. по материалам мог. Журавлево-IV, как целые формы, так и обломки [10] (см. Рис. 1 - 27, 28). Фрагменты аналогичных изделий были найдены в мог. Иваново-Родионово (1 экз.) и Пьяново (1 экз.), расположенных недалеко от Танайского археологического микрорайона. Изделия могут быть сопоставимы только с аналогичными украшениями из еловского комплекса [26] (см. Рис. 1 - 29).

Авторами раскопок в ходе анализа погребального инвентаря могильников было выявлено совпадение между постандроновским населением и населением кротовско-окуневской общности [6]. Общие черты с окуневской культурой проявлялись на разных таксономических уровнях погребального обряда, в том числе и среди найденных украшений. Речь идет, прежде всего, о круглых *парных* проволочных височных кольцах. В обеих культурах присутствует общий технологический момент. Концы проволоки приострены и заходят друг за друга. Параллели с окуневской культурой находили сложносоставные женские украшения, изготовленные на основе взаимопроникающих проволочных колец. Аналогией им могут быть изделия, изображенные по бокам головы на стеле [11, табл. XLVIII, № 96]. Кроме того, в мог. Черновая VIII найдена пара колец на левой височной кости [23, с. 7], а также несколько небольших стеатитовых фигурок, с изображением двух и более колец по обеим сторонам лица [Там же, табл. XXIV, 1-7, 12, 13, 15]. Ряд общих черт, присущих этим украшениям, можно отметить и в кротовской культуре. Отличие изделий наблюдается лишь в изготовлении - кротовские кольца, как правило, кованные, с утолщением в части, противоположной окончаниям, хотя встречаются и проволочные изделия с приостренными концами.

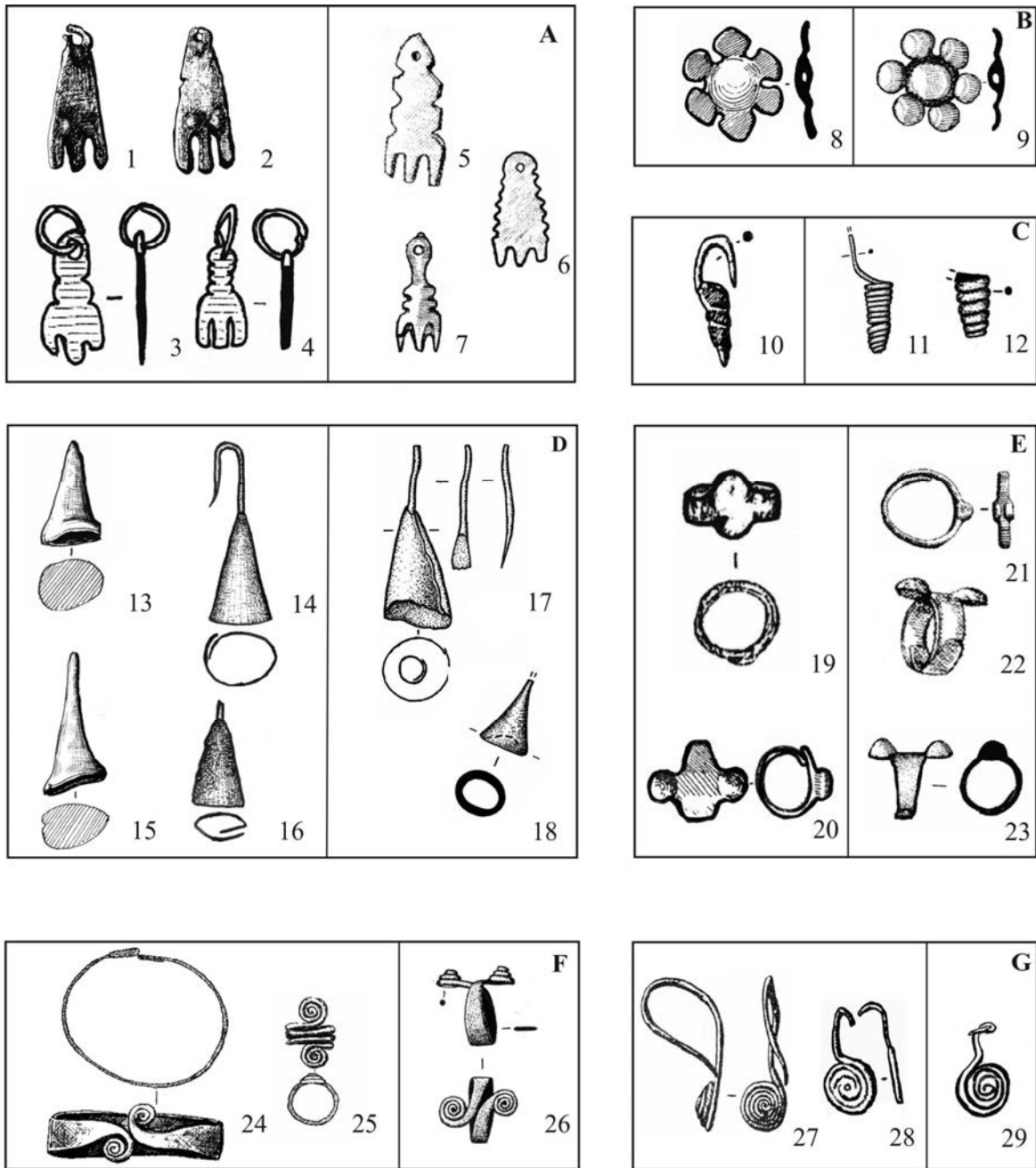
Большее количество аналогий материалов могильников обнаруживается в погребальных комплексах еловской культуры. Речь идет, прежде всего, об идентичных наборах женских головных украшений, состоящих из спаренных взаимопроникающих височных колец, связок пронизок, бронзовых бус, пластинок из ракушки. Кроме того, эти памятники объединяет наличие в их материалах характерных колокольчиковидных подвесок.

В археологических исследованиях ирменской культуры большое значение уделено проблеме взаимоотношения ее с культурами эпохи финальной бронзы среднеенисейского региона. Карасукские компоненты встречаются в памятниках лесостепной зоны вплоть до Урала [2; 4; 15; 28; 32; 36; 38-40; 42]. Среди возрастной группы женщин в ирменских памятниках выделяются погребения с богатым инвентарем. Такие погребения редки, и связаны они с женщинами старше 40 лет, причем в этих могилах встречены необычные для ирменской культуры и присущие карасукской культуре вещи: лапчатые подвески, шестилепестковые бляхи, массивные круглые бляхи.

Лапчатые подвески (см. Рис. 1 - А): украшения, особенно характерные для карасукских погребений (см. Рис. 1 - 5-7). Были найдены на территории Кузнецкой котловины в погребениях у с. Титово (3 экз.) [33, с. 126, рис. 3 - 12, 13], могильника Танай-7 (3 экз.) [8, с. 22, рис. 9 - 1, 2, 3, 6; 29, с. 199-201, рис. 1 - 11, 13, 14], Ваганово 2 (4 экз.) [12] (см. Рис. 1 - 1-4). Большая часть находок лапчатых подвесок Западной Сибири географически относится к территории Кузнецкой межгорной котловины (11 экз.), и все они происходят из погребений, за исключением одной из поселения Куделька-2. На территории Новосибирского и Барнаульско-Бийского Приобья изделия найдены только на поселениях. Встречаются исключительно в женских погребениях. При анализе этой категории украшений В. В. Бобров обратил внимание на то, что в каждом могильнике лапчатые подвески, как правило, представлены определенным типом, и предположил, что наличие в ирменских памятниках лапчатых подвесок отражает принадлежность их владельца к конкретной общественной структуре. Другой вывод, сделанный В. В. Бобровым, основан на типологических различиях лапчатых подвесок верхнеобского и среднеенисейского регионов. Тождество имеют только трехпалые подвески с рельефным или волнистым краем, или III и IV типы по Э. А. Новгородовой [31, с. 148-150]. Именно они являются характерными изделиями для позднебронзовых культур Среднего Енисея. В ирменской культурной среде их известно всего 3 экземпляра. К шестому типу Э. А. Новгородова отнесла лапчатые подвески с гладкими краями. Но в ареале карасукской культуры они единичны (сноска на раскопки С. А. Теплоухова у с. Батени и находку в окрестностях Идры). Местонахождение двух предметов этого типа, хранящихся в Государственном Эрмитаже, обозначено как Сибирь. Этот тип аналогичен находкам лапчатых подвесок из ирменских поселений [3, с. 204-207].

Шестилепестковые бляхи (см. Рис. 1 - В): круглые, слегка выпуклые изделия с шестью лепестками по краю, с петелькой на обороте, были распространены на территории среднеенисейских степей в позднебронзовых комплексах, особенно лугавской культуры или каменоложского этапа [17, рис. 9 - 9; 41, табл. 17 - 7,

табл. 63 - 16] (см. Рис. 1 - 9). На территории Западной Сибири были найдены в Томском могильнике [21, с. 32, рис. 17 - 8], у с. Чингисы [34, с. 145, табл. X - 2]. На территории Кузнецкой котловины зафиксированы на памятнике Журавлево-4 [10, с. 23, рис. 14 - 22] (см. Рис. 1 - 8).

Рис. 1. Бронзовые украшения. А: 1, 2 - мог. Ваганово-2; 3, 4 - мог. Танай-7; 5 - мог. Кутень-Булак; 6 - мог. Абакан I; 7 - мог. Белое Озеро. В: 8 - мог. Журавлево-4; 9 - мог. Белое Озеро. С: 10 - мог. Журавлево-4; 11, 12 - ЕК II. D: 13-16 - Танай 12; 17, 18 - ЕК II. E: 19 - мог. Сапогово-2; 20 - мог. Журавлево-4; 21 - мог. Калы; 22 - мог. Подсиня; 23 - Абакан I. F: 24, 25 - мог. Танай-12; 26 - ЕК II. G: 27, 28 - мог. Журавлево-4; 29 - ЕК II. 1, 2 [по: 12, приложение, № 455, 456]; 3, 4 [по: 8, с. 22, рис. 9-11]; 5-7, 9, 21-23 [по: 22, рис. 4-6]; 8, 10, 20, 27, 28 [по: 10, рис. 14, 26, 27, 35]; 13-16, 24, 25 [по: 9]; 11, 12, 17, 18, 26, 29 [по: 27]

Перстень с щитком (см. Рис. 1 - E): изделие выполнено из бронзовой пластины, внешняя часть расплюсчена, по обе стороны от нее два сферических выступа. Категория украшений, характерная для памятников эпохи поздней бронзы в районах Среднего Енисея [10, с. 91; 41, табл. 17 - 10, 27 - 27, 39 - 5, 51 - 24] (см. Рис. 1 - 21-23). Э. А. Новгородова называет их двуконическими [30, с. 132]. На территории Западной Сибири известны по памятникам Камышенка, ЕК I, Рублево VIII. В Кузнецкой котловине найдены в мог. Журавлево-4 [10], Сапогово-2 [18] (см. Рис. 1 - 19, 20).

Закономерностей в количественном и качественном соотношении данных изделий в составе погребального инвентаря установить не удалось. Так, например, погребение из мог. Журавлево-4, в котором было найдено кольцо, было совершено на периферии и отличалось обрядом кремации. Помимо него с кальцинированными костями обнаружено проволочное кольцо и пронизка. Захоронение из мог. Сапогово-2 также не отличалось большим количеством инвентаря - помимо него было обнаружено еще 2 кольца. В то же время перстень из могильника Обь-Иртышского междуречья Рублево VIII принадлежал погребенной с «богатым» инвентарем [19, с. 80-81, рис. 7]. Помимо большого количества «чисто ирменских» украшений были зафиксированы серьга плохой сохранности с небольшим раструбом и приостренным противоположным концом и зеркало квадратной формы. С обратной стороны, в центре изделия, была расположена небольшая петелька. Аналогичные изделия обнаружены в комплексе ЕК-II [27, рис. 27 - 17].

В этнографии известны примеры, когда при экзогамных браках человек, попадающий в чужой род, продолжал носить одежду и украшения своего рода или, по крайней мере, сохранял их часть [37, с. 212]. Д. К. Зеленин, выдвигая общее положение о том, что в древности представители разных родов отличались главным образом головными уборами и прическами, особо отмечал, что при экзогамных браках головные уборы снох контаминировались с уборами женщин из рода мужа [16, с. 82-83]. Признаки, свойственные карасукской культуре, отмечались исследователями как в предметном комплексе, так и погребальных сооружениях [10, с. 91; 33, с. 133-134]. Присутствие отдельных элементов в погребальном обряде и аналогичность инвентаря захоронений со среднеенейскими комплексами объясняется специалистами результатами контактов ирменского населения с населением Минусинской котловины [4; 5; 7; 18; 23; 37; 41]. Металлические изделия, необходимые в производстве и быту, являлись в то же время предметами обмена с населением соседних территорий. Среди сопроводительного инвентаря погребенных известны украшения, составляющие типичную категорию изделий позднебронзовых комплексов, расположенных к востоку от ирменского ареала. В современной науке зоной их культурного взаимодействия обозначена Ачинско-Мариинская лесостепь.

Таким образом, в настоящее время не вызывает сомнения присутствие в ирменской культуре Кузнецкой котловины комплекса андроновидных и карасукских признаков, что и выделяет локальную особенность развития древних обществ на этой территории. Данный факт относится, прежде всего, к ориентации культурных контактов на население среднеенейского региона, хотя некоторые из них, вероятно, следует рассматривать как компонентную основу формирования ирменского образования. Обозначается существенный комплекс черт, связывающих ирменскую и андроновскую культуры [8, с. 34]. Проведенный типолого-морфологический анализ украшений подтверждает ярко выраженную специфику формирования и существования культурно-исторических процессов на территории Кузнецкой котловины, отличную от процессов, происходивших на сопредельных территориях.

Список литературы

1. **Археология СССР: эпоха бронзы лесной полосы СССР.** М.: Наука, 1987.
2. **Бобров В. В.** Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1992. 41 с.
3. **Бобров В. В.** Лапчатые подвески ирменской культуры // Евразия сквозь века. СПб.: СПбГУ, 2001.
4. **Бобров В. В.** Периодизация эпохи поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.
5. **Бобров В. В.** Раскопки памятников в Ачинско-Мариинской лесостепи // Археологические открытия 1985 года. М.: Наука, 1987.
6. **Бобров В. В., Горяев В. С.** Итоги полевых исследований памятника Танай XII // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004.
7. **Бобров В. В., Горяев В. С.** Танай-12 - новый памятник эпохи бронзы в Кузнецкой котловине // Там же. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000.
8. **Бобров В. В., Мыльникова Л. Н., Мыльников В. П.** К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: АГУ, 2004.
9. **Бобров В. В., Умеренкова О. В.** Набор украшений эпохи поздней бронзы из могильника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. Ч. 1.
10. **Бобров В. В., Чикишева Т. А., Михайлов Ю. И.** Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск: Наука, 1993. 157 с.
11. **Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.** Памятники окуневской культуры. Л., 1980. 147 с.
12. **Васютин С. А.** Отчет о раскопках могильника Ваганово II в 1999 году // Научный архив Кемеровского музея археологии, этнографии и экологии Сибири (КМАЭЭ). 2000. № 900.
13. **Горяев В. С.** Исследование могильника эпохи бронзы Танай XII летом 2000 года // Там же. 2001. № 926.
14. **Горяев В. С.** Полевые исследования могильника эпохи бронзы Танай XII в 2001 году // Там же. 2002. № 927.
15. **Грязнов М. П.** К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.: Наука, 1956. Вып. 64.
16. **Зеленин Д. К.** Общие элементы в древних финских и русских костюмах // Ученые записки Ленинградского государственного университета (УЗ ЛГУ). Серия востоковедческих наук. Л., 1948. Вып. 2.
17. **Зяблин Л. П.** Карасукский могильник Малые Копены-3. М.: Наука, 1977. 144 с.
18. **Илюшин А. М., Ковалевский С. А., Сулейменов М. Г.** Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. 204 с.

19. Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Позднякова О. А., Шамшин А. Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: АГУ, 2004.
20. Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.
21. Комарова М. Н. Томский могильник - памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). М.: Наука, 1952. № 24.
22. Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008.
23. Максименков Г. А. Могильник Черновая VIII - эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980.
24. Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье: источники, проблемы периодизации и хронологии. Новосибирск: НГУ, 1993. 181 с.
25. Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 415 с.
26. Матюшенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья: неолит и бронзовый век // Из истории Сибири. Томск: ТГУ, 1974. Вып. 12. Ч. 4. Еловско-ирменская культура. 196 с.
27. Матюшенко В. И. Отчет о работах кафедры всеобщей истории Омского госуниверситета по исследованию Еловского могильника II в 1980 году // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 8292. 1981.
28. Мошинская В. И. Сузгун II - памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1957. № 58.
29. Мыльникова Л. Н., Бобров В. В. Раскопки могильника ирменской культуры Танай-7 // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996.
30. Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 383 с.
31. Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970. 192 с.
32. Потемкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Лесное Тоболо-Иртышь в конце эпохи бронзы. М.: ПАИМС, 1995. 208 с.
33. Савинов Д. Г., Бобров В. В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на р. Инь // Проблемы Западно-Сибирской археологии: эпоха камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1981.
34. Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. 183 с.
35. Умеренкова О. В. К проблеме культурно-генетических связей в эпоху бронзы для территории юга Западной Сибири: на основе анализа украшений // 275 лет Сибирской археологии. Красноярск, 1997. С. 46-47.
36. Членова Н. Л. Андроновские и ирменские погребения могильника Змеевка (Северный Алтай) // Археология Средней Азии и Сибири: краткие сообщения. М., 1976. Вып. 147.
37. Членова Н. Л. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины: по материалам Ужурского могильника // Сибирский археологический сборник. Новосибирск: Наука, 1966.
38. Членова Н. Л. Есть ли сходство между Окуневской и карасукской культурами? // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
39. Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М.: Наука, 1994. 170 с.
40. Членова Н. Л. Суртайка - могильник Карасукской эпохи в предгорном Алтае // Краткие сообщения института археологии (КСИА). М., 1973. Вып. 134.
41. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.
42. Членова Н. Л., Бобров В. В. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии. М.: Наука, 1991.

**CULTURAL INTERACTION IN LATE BRONZE EPOCH WITHIN THE TERRITORY
OF KUZNETSK-SALAIR MOUNTAINOUS REGION (ON THE BASIS OF ADORNMENTS ANALYSIS)**

O'l'ga Vyacheslavovna Umerenkova

Kuznetsk Basin Laboratory of Archeology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Kemerovo State University

klae@kemsu.ru

The author presents the results of the typological-morphological analysis of the metallic adornments of late bronze epoch determining the specificity of the formation and existence of cultural-historical processes within the territory of Kuznetsk hollow. The presence of the andronoid and Karasuk adornments features among funeral inventory confirms the local peculiarity of ancient communities development within this territory.

Key words and phrases: late bronze epoch; Western Siberia; Kuznetsk hollow; local variants; cultural-historical processes; funeral ceremony; adornments; morphological analysis.